

УДК 811.512.1

¹А. В. Дыбо, ²В. С. Мальцева, ³Э. В. Султрекова, ⁴А. В. Шеймович

Институт языкознания РАН, Б. Кисловский пер. д.1 стр., 1, Москва 125009, Россия
E-mail: ¹adybo@iling-ran.ru, ²malt.wh@gmail.com, ³el_kyr@mail.ru, ⁴asheimovich@yandex.ru

Особенности употребления личных окончаний в бельтырском говоре хакасского языка на общетюркском фоне¹

В статье рассматриваются некоторые явления, происходящие в глагольной грамматике одного из диалектов хакасского языка. Эти явления, имеющие параллели в других тюркских языках и диалектах, демонстрируют действие двух разнонаправленных тенденций. Во-первых, наблюдается «парадигматизация» личного спряжения — аналогические развития спрягаемых форм, обусловленные парадигматической унификацией. При этом нарушается старое распределение лично-числовых показателей, связанное с исходным аналитизмом/синтетизмом причастных/финитных глагольных форм. Во-вторых, мы видим возникновение нового аналитизма за счет обусловленной разговорным синтаксисом клитизацией личных местоимений и частиц.

Ключевые слова: диалекты, хакасский язык, морфология, лично-числовые показатели, клитики, глагол.

Бельтырский (пилтирский) говор хакасского языка традиционно считается относящимся к сагайскому диалекту [Боргояков, 1973, 80]. По нашим наблюдениям, он может быть переходным между сагайским диалектом и т. наз. шорским диалектом хакасского, его близость к сагайскому обеспечена распространением на него хорошо заметных поверхностных изоглосс «сэканья» и «иканья»².

В говоре наблюдаются некоторые любопытные морфологические явления. Здесь мы остановимся на проблемах употребления предикативных (финитных) показателей личного спряжения.

Материалом исследования служит устный корпус бесед объемом ок. 45 тыс. слов (10 часов записи), собран в сс. Бутрахты, Карагай, Чиланы в 2011 г. от информантов 1916-1944 гг.р.).

1. В современном литературном хакасском языке достаточно четко проведено различие предикативных и актантных форм причастий, в

¹ Работа выполнена при поддержке грантов Правительства РФ № 14.Y26.31.0014, проект «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (сбор и обработка материала) и РНФ № 18-18-00501, проект «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (написание статьи).

² В хакасском сагайском стандартный рефлекс праобщетюркских *š, *ç, *s - /s/, праобщетюркского *e в первом слого - /i/ (орфографически u), так же в пилтирском говоре (as 'пей', as 'открой', tas 'камень', pas 'голова'; kil 'иди сюда', it 'мясо', itler 'разные виды мяса', idam 'мое мясо', izak 'дверь'). В шорском диалекте хакасского языка - во всяком случае, в части говоров, по материалам наших экспедиций 2016-2017 гг. - наблюдается более сложная рефлексация: *ç, *s > /s/, *š > /š/ (a^hs 'пей', a^hs 'открой', taš 'камень', pa^hš 'голова'); *e > /e/ в односложных словах и перед слогом с этимологически широкой гласной (kel 'иди сюда', et 'мясо', etler 'разные виды мяса'), *e > /i/ перед слогом с этимологически узкой гласной (idam 'мое мясо', i^hzak 'дверь').

частности, причастия прошедшего времени на *-ГА(н)*. Актантные формы причастия (функция — вершина вторичной предикации), как и финитные формы (функция — главная предикация, немаркированное прошедшее время), принимают показатели лично-числового согласования с субъектом, но для этого используются разные серии показателей. Для финитной формы это «смешанная» парадигма личных окончаний:

	Sg	Pl
1	-м / -ПЫн	-ПЫС
2	-СЫң	-Саp

Для актантной формы это посессивные окончания:

	Sg	Pl
1	-(Ы)м	-(Ы)бЫС
2	-(Ы)ң	-(Ы)ңAp
3	-(з)Ы	-(з)Ы

Показатель Past *ГА(н)* принимает форму *ГА* непосредственно перед личными показателями: *пар-га-м* ‘я шел’, *тік-ке-зер* ‘вы шили’. В остальных случаях, в том числе перед посессивными показателями, выступает форма *ГАН* и, соответственно, выбираются постконсонантные варианты показателей: *пар-ган* ‘он шел’, *пар-ган-нар* ‘они шли’, *оолахтың маңзыран-ган-ын* *искен* ‘услышал, что мальчик торопится’, *Мындаг ниме көргем мин, Киндірліг пилтірі аалда полган-ым-да*. ‘Такое я видел, когда был в улусе Усть-Кындырла’ [ГХЯ 1975: 152].

В бельтырском говоре встретились формы вторичной предикации 1 л. ед. и мн. ч. с локативным падежом, которые можно интерпретировать двояко: либо в говоре иначе себя ведут причастные показатели, теряя конечный согласный не только перед личными, но и перед посессивными показателями; либо личные окончания используются в актантных формах причастий вместо посессивных показателей:

(1) *Мының алдында, колхоз тузында, колхозта тогынгабыста, анаң сосха палалары садага чөрчең полгабыс.*

тоғын-ға-быс-та

работать-Past ГА(н)-1pl.pred БИС-Лос (н)ТА

‘Раньше, во время колхоза, когда в колхозе (мы) работали, потом поросят продавать ездили.’ (ВР 64, Карагай)

(2) *Килтір, хыра пазында килгемде, «Син нога хыра тартчазың?»*

кил-ге-м-де

приходить-Past ГА(н)-1sg.pred м-Лос (н)ТА

‘Пришел, когда я подошла к краю поля, [спрашивает:] «Ты почему поле пашешь?»’ (ЗГ 96, Чиланы)

Нам не удалось встретить упоминаний об этом явлении в работах по хакасскому языку. Выбрать между предложенными выше двумя интерпретациями можно было бы, если бы встретились аналогичные формы 2 л.³ Нам ближе вторая интерпретация, так как такое явление легко объяснялось

³ Информант при элицитации отрицает возможность любых форм для 2-го лица, что, впрочем, мало говорит о возможности их появления в спонтанных текстах.

бы поверхностной сверткой первичной предикации во вторичную, что естественно для механизмов спонтанной речи. К тому же в других контекстах актантные причастные формы присоединяют посессивные показатели, как и в литературном языке:

(3) *А вот мин, андары чөрпн, хайди ограда өтире килгенімни хайдаң піліп іди чоохтаан кізі полар ол.*

кил-ген-ім-ні

приходить-Past ГА(н)-1pos.sg (Ы)м-Асс нЫ

‘А вот откуда он мог знать и рассказать, как я, туда сходяв, через ограду шёл.’ (ИЕ 114, Бутрахты)

(4) *Күлін чуртаан чуртазым чарылып халдаң хонганымнаң.*

хон-ган-ым-наң

ночевать-Past ГА(н)-1pos.sg (Ы)м-Instr нАң

‘Жизнь моя, прожитая в радости, отделилась от моего мужа’ (букв. ‘того, с кем я ночевала’). (ЗГ 109, Чыланы)

Встретился также один пример, где аналогичным образом ведет себя habituальный причастный показатель -*ЧА(ң)*:

(5) *Мині, агырчамда, Шулбаев, пу Леня Шулбаев килтір.*

агыр-ча-м-да

болеть-Nab ЧА(ң)-1sg.pred м-Лос ТА

‘Меня, когда я болела, Шулбаев, этот Леня Шулбаев пришел.’ (ЗГ 96, Чиланы)

2. У ряда предикативных форм в качестве показателя 1 л. ед. ч. используется местоимение *мин* ‘я’ (наряду с выражением этого значения при помощи личного окончания):

(6) *Ам полынмаадаг мин, чун полбаадаг мин.*

полын-ма-адаг пол-ба-адаг

мочь-Neg БА-Assum ГАдАГ быть/мочь-Neg БА-Assum ГАдАГ

‘Теперь я не в силах что-либо сделать, не могу помыть.’ (МВ 71, Карагай)

(7) *Пу соох, соох полбаан полза, мин тың на піди майыхпасчыхминох.*

майых-пас-чых-мин-ох

уствовать-Neg.Fut ПAc-Affirm ЧЫК-1sg мин-Ass ОК

‘Если бы этого холода, холода не было, я так сильно не уставала бы.’ (МВ 71, Карагай)

(8) *Име, хайди тічең полдылар оларды? Агит... чыплада ундудыбыстыр мин.*

ундут-ыбыс-тыр

забывать-Perf (I)б.IC-Indir тір

‘Ну, как называли их? Агит... совсем забыл.’ (ИЕ 104, Бутрахты)

В [Чертыкова 1992] приводится только гармонирующий аффикс *-мын/-мін* (что, видимо, соответствует литературному *-ПЫн* с несколько отличающимися правилами реализации начальной согласной). Как видно из примеров выше, в чиланском говоре гармонии не наблюдается, и личный аффикс неотличим от соответствующего ему местоимения. Ср. в [Боргояков, 1975, 165] выдержки из материалов 1730-х гг. Г. Миллера от «кангатских татар»: *мен узупчурмен* ‘я сплю’ (спать-Conv_n n-Pres *чур*-1sg *мен*), *мен куррумен* ‘я вижу’ (видеть-Pres *ур*-1sg *мен*).

Как известно, именно постпозитивные личные местоимения соответствуют аффиксам второй серии в тувинском и тофаларском языках, а также в древнетюркском языке (см. [Исхаков, Пальмбах, 1961, 222]; [Рассадин 1978:

171]; [Erdal, 2004, 230]); исходно именно они и послужили источником этой серии аффиксов в современных тюркских языках. Но в хакасских диалектах мы имеем дело с уже сильно перестроенной системой аффиксов второй серии. Вряд ли бельтырские формы представляют собой архаизм⁴. Можно видеть, что здесь, как и в тюркских идиомах, вновь происходит инновационное восстановление лично-числовых показателей второй серии из постпозитивных личных местоимений. Это явление было, в частности, отмечено для периферийных туркменских диалектов в [СИГТЯ, 2002: 120-121] (диалекты нохурли, дуеджи, чегес, мукры, ата, анаули, хасар, кырач), а также для тубаларского [Дыбо, 2017: 136]. Ср. также формы из арабо-кыпчакского памятника XV в. «Словарь Абу-Хайяна», которые определено трактуются как дублирование личного местоимения после предиката. Причем предикат содержит претерит на *-ДЫ*, при котором обычно лично-числовое согласование выражается окончаниями первой серии: *biz qajdasa kätmädibiz* ‘мы никуда не ходили’; *sän nä jedi sän* ‘ты что поел?’ (цит. по [Наджип, 1975, 44]).

В бельтырском говоре также встретились фразы, в которых субъект дублируется постпозитивным к сказуемому личным местоимением:

(9) *А аның палалары, мин олардың палаларынмаң ойнаам мин.*
 ‘А его дети, я с их детьми играла.’ (ЗГ 91, Чыланы)

(10) *Позы, име, хақан-да абазы Арбытсартынох килтір ол.*
 ‘Сам, это, когда-то отец его с Арбатской стороны пришёл.’ (ИЕ 114, Бутрахты)

Источником такого развития, как нам представляется, служат предложения с конечной позицией субъекта, прежде всего местоименного⁵. [ГХЯ, 1975, 329] замечает по этому поводу: «Наблюдаются случаи, когда в современном литературном языке подлежащее оказывается после сказуемого. Особенно часто это встречается в газетных статьях: *Маңат чуртаан ол* ‘Хорошо жил он’; *Иди теен Азбах от* ‘Так сказала Перекати-поле’. Это нарушение обычной нормы, по-видимому, допускается для того, чтобы акцентировать внимание на действии субъекта. С другой стороны, в языке прессы это происходит под влиянием строя русского языка, где подлежащее может стоять после сказуемого. Однако надо отметить, что такие случаи возможны при условии, когда контекст позволяет делать подобные инверсии.»

Однако для разговорного хакасского языка предложения с финальной позицией местоименного субъекта более частотны, чем для текстов прессы, и чаще всего они непохожи на кальки с русского. В калькировании можно заподозрить разве что слова автора при прямой речи, такие примеры чаще встречаются в литературных текстах (здесь и ниже примеры из текстов КХЯ):

(11) *«Кемзер сірер, Хан-нигім?» — теем мин.*
 ‘Я сказал: кто Ты, Господи?’ (Библия)

(12) *Харындазым тың азырыбысты, мына больницаа чатырыбыстылар,*
 — *нандыргам мин.*

⁴ Судя по тому, что пишет М.И.Боргояков об этногенезе бельтырцев [Боргояков 1973: 80-81], можно предполагать контактное происхождение: по местам распространения бельтырского диалекта проходит дорога в Туву, и языковой контакт был раньше и сохраняется до сих пор.

⁵ [ГХЯ 1975: 303] пишет об обязательности согласования именного сказуемого в лице с подлежащим, но в узусе оно факультативно. В тюркских идиомах причастные по происхождению глагольные формы могут сохранять это свойство именного сказуемого, откуда могут быть упоминаемые М.И. Боргояковым несогласованные формы из Миллера. Сюда, однако, не следует относить случаи саларского и сарыг-югурского языка, в которых личное согласование подлежащего и сказуемого отсутствует полностью, как для причастных, так и для собственно глагольных форм (см. [Тенишев 1976а: 137], [Тенишев 1976б: 83]), и где это явление объясняется скорее китайскими и монгольскими контактами.

‘– Мой брат сильно заболел, вот положили в больницу, — **ответил я.**’
(Н.Ф. Трошкин, газетная статья)

Вопросительная инверсия встречается и в литературном языке:

(13) *Нога андагзың син?*

‘Почему ты такой?’ (В.Г. Шулбаева, пьеса «Сыын мүүзі» (‘Рога марала’))

(14) *Хайда кизем мин?*

‘Куда я буду (это) надевать?’ (ЗГ 109, Чыланы)

В большинстве примеров конечная позиция субъекта обусловлена не грамматическими, а коммуникативными факторами:

(15) *Мындаг ниме көргем мин, Киндірліг пилтірі аалда полганымда.*

‘Такое **я видел**, когда был в улусе Усть-Кындырла.’ ([ГХЯ, 1975, 152])

(16) *Тасхылдаң хайылып ахчан суглар, полбас па зе ол.*

‘С вершины тают и текут реки **ведь.**’ (АС, Бутрахты)

В бельтырском и сагайском диалектах предложения с местоименным субъектом в конце встречаются значительно чаще, чем в качинском. Так, в собранном нами корпусе устных текстов качинского диалекта объемом 29 тыс. слов нашлось 34 таких примера, в корпусе аскизского говора сагайского диалекта — 47 примеров на 12 тыс. слов, в бельтырском корпусе — 170 примеров на 43 тыс. слов. В литературных произведениях бельтырских по происхождению авторов В. Г. Шулбаевой (родом из с. Чиланы) и Л.И. Чебодаевой (родом из с. Бутрахты) конечный местоименный субъект также встречается довольно часто. Наоборот, в подборке газетных статей авторства Н.Ф. Трошкина (родом из с. Трошкина; качинский диалект) на 60 тыс. слов встретилось всего два примера с постпозицией местоименного субъекта.

Таким образом, это явление может являться значимым синтаксическим параметром междиалектного варьирования тюркских идиомов, который стоит учитывать при сборе материала.

3. В литературном хакасском языке постпозитивная клитика *БА* маркирует фокус общего вопроса. По правилам орфографии она пишется отдельно, но подчиняется сингармонизму со стороны предшествующего слога и выбирает реализацию начальной морфемы *Б* в зависимости от предшествующей согласной (последней согласной предшествующей словоформы) по тем же правилам, что и внутрисловные реализации морфемы *Б*. Таким образом, по морфонологическому поведению она не отличается от аффикса. Ср. примеры из [ГХЯ, 1975]:

(17) *Чоохта сынны, хынчазың **ма** магаа?*

‘Скажи правду, любишь ли ты меня?’

(18) *Тимде **бе** ни Надя нанарга?*

‘Готова ли Надя вернуться?’

(19) *Пабаң мельник **не**?*

‘Твой отец мельник?’

Если фокус вопроса — глагольное сказуемое, в бельтырском говоре частица *БА* может вставляться внутрь этой глагольной словоформы, перед лично-числовыми показателями. Нам встретились примеры в настоящем и в будущем времени перед личными окончаниями 2 л.:

(20) *А кізілер тогынчелер **тіпчемен**?*

ті-п-че-ме-ң

говорить-Соп_п (I)П-Pres чА-Q ПА-2sg ң

‘А люди работают, говоришь?’ (АС, Бутрахты)

(21) *Самга суурчебер?*

суур-че-бе-ер

снимать-Pres чА-Q ПА-2pl (I)нАр

‘Вы фотографируете?’ (ЗГ 108, Чиланы)

(22) «*Аламаар*» теем «*мини ам?*»

ал-а-ма-ар

взять-Fut А(р)-Q ПА-2pl (I)нАр

‘«Возьмёте», сказала я, «меня теперь?»’ (ВР 64, Карагай).

Ср. в [Боргояков 1973: 91] формы прошедшего времени: *пол-га-ма-ң/пол-га-ба-ң* ‘ты бывал?’, презенса: *пiл-че-ме-ң/пiл-че-бе-ң* ‘ты знаешь?’⁶.

Подобные приведенным формы упоминаются в [Чертыхова, 1992, 70] для говора с. Верх-Киндирла: Past *паргамың* ‘ходил ли ты?’, *паргамар* ‘ходили ли вы?’, *тогасхамың* ‘встретил ли ты?’, Pres *полчемің* ‘бываешь ли?’, *сах-тапчечер* ‘ждете ли?’, Fut *парамың* ‘пойдешь ли?’, именные сказуемые: *папушкадамың* ‘у бабушки ли ты?’, *ичезімің* ‘его мать ли ты?’ (с другим, чем в нашем и М. И. Боргоякова материале, правилом редукции гласной в аффиксах, или с другими фонологическими установками при записи).

Эта позиция в хакасской словоформе⁷ допускает вставку и других частиц (реально встретились формы с Ass ОК); ср. в бельтырском:

(23) *Анда, Абаган ол саринда, тайгалап, име, чӧргенохсың.*

чӧр-ген-ох-сың

ходить-Past ГА(н)-Ass ОК-2sg.dial ЗЫң

‘Там, в той Абаканской стороне, таёжничая, также ходил ты.’ (ИЕ, 114, Бутрахты)

Вставка внутрь синтетической глагольной словоформы рефлекса вопросительной частицы *-*тО*⁸ встречается в разных группах тюркских языков:

(24) кумыкский — перед личным окончанием в будущем на Ар:

барарсызмы = барармысыз ‘пойдете ли вы?’ [Дмитриев, 1940, 102]

(25) турецкий — перед восходящими к временным формам глагола-связки временными аффиксами *-(y)DI* and *-(y)mIş*:

Gitse miydik? ‘Должны ли мы уйти?’

Başlamış mıydınız? ‘Начал ли ты?’

Burada mıymış? ‘Это здесь было?’ [Göksel, Kerslake 2005, 104]

(26) турецкий — перед личными окончаниями второй серии и фокусной частицей *-DIr*:

Gidiyor musun? ‘Идешь ли ты?’

Hazır mısınız? ‘Готов ли ты?’

Evde midir? ‘Дома ли он?’ [Göksel, Kerslake, 2005, 105]

Таким образом, обычно частица вставляется внутрь словоформ со следами аналитизма, т.е. в тех случаях, когда последующая часть словоформы исторически была отделена межсловной границей. Что касается личных показателей, то личные показатели второй серии, восходящие к постпозитивным личным местоимениям, действительно являются клитиками по

⁶ М.И. Боргояков полагает, что пилтирская форма на *-мА*, а форма на *-ба* сагайская; в нашем пилтирском материале встречаются оба типа форм, а в аскизском говоре сагайского – ни одной.

⁷ В частности, в литературном хакасском; см. КХЯ, раздел «Грамматика», поз. 19 в схеме словоформы.

⁸ Обоснование реконструкции см. в [Дыбо 2017, 129-131].

происхождению. Но личные показатели первой серии, изначально употреблявшиеся в "истинно глагольных" по происхождению словоформах прошедшего на *-ДЫ*, условного наклонения на *-СА* и императива-оптатива, на протяжении существования тюркских языков не демонстрировали возможности проведения межсловной границы перед ними⁹. Однако в наших формах с внутренней вопросительной частицей наблюдаются для 1 и 2 л. именно окончания первой серии («краткие»), для 2pl в «сагайской» фонетической форме, с выпавшим *-ң*¹⁰.

Как показано, в частности, в [Боргояков, 1975, 175-177], [Дыбо, 2017, 134-135], окончание первой серии 1sg *-(Ы)м* практически во всех идиомах саяно-алтайского региона аналогическим путем распространилось во всех «причастных» глагольных формах финитной предикации; окончание второй серии *-БЫн* встречается при именном сказуемом и изредка при глагольном параллельно *-(Ы)м*. Окончание первой серии 2sg *-(Ы)ң* в «причастных» предикативных глагольных формах М. И. Боргояков отмечает для шорского; по [Дыренкова, 1941, 183-194] это окончание распределяется так: обязательно для всех шорских говоров в Neg.Past на *-БААн-Ың*; для литературного (= мрасского) в Pres на *-ЧА-ң*¹¹, Neg-Pres *-БААн-ЧА-ң*; факультативно для кондомских говоров в Past *-ГА-ң*; отмечено для говоров в Fut *ар-ың*. При этом в говорах отмечено и окончание второй серии: Pres *-ЧА-ЗЫң*, Neg-Pres *-БААн-ЧА-ЗЫң*. Окончание 2pl для шорских причастных предикативных глагольных форм, как будто, всегда второй серии, *-ЗА(А)р*.¹² Чулымский средний [Бирюкович, 1981, 46]: Pres на *-А-ДЫ* присоединяет все окончания первой серии (*-А-ДЫ-м*, *-А-ДЫ-ң*, *-А-ДЫ*, *-А-ДЫ-БЫс*, *-А-ДЫ-ңнАр*). Р. М. Бирюкович считает, что Pres на *-А-ДЫ* — это исходно аналитическая форма с *тур-* 'стоять'. Однако имеется и форма на *-ТЫр*, противопоставленная форме на *-А-ДЫ* как маркированная по способу протекания — и она, как и все формы со вспомогательными глаголами, сочетается со второй серией окончаний. Вероятно, *-А-ДЫ* — это слияние деепричастие на *-А(й)* (ср. *саниды* от *сана-* 'думать') и претерита **e-di*¹³. Кроме того, первую серию присоединяют формы прошедшего времени (положительные и отрицательные) на *-Ган*, *-БААн*: *ГААм*, *ГААң*, *ГААБЫс*, *ГААңнАр* в [Бирюкович, 1981, 64]. Остальные чулымские формы, в том числе, Fut на *-Ар*, сочетаются только со второй серией.

В [Дыбо 2017: 144-146] приведены аналогичные явления для кыпчакских языков (в подробностях — для татарских и башкирских диалектов). Весь этот материал в совокупности показывает, что мы имеем дело с постепенным, через дублетность форм, проникновением аффиксов 1 и 2 л. первой серии на первоначальную область действия второй серии. По имеющемуся к настоящему времени материалу, процесс начинается с форм 1Sg, потом подключается 2Sg, а следом 2Pl (формы 1sg в обеих сериях совпадают). Порядок вовлечения в этот процесс видо-временных отпричастных форм, по нынешним данным кажется случайным. Однако фиксация причастных

⁹ См. подробнее о происхождении личнословных показателей в [Дыбо 2017].

¹⁰ Предположение Д.Ф.Патачаковой, цитируемое в [Чертыкова 1992], о происхождении этих форм вследствие фонетической контракции частицы с показателями второй серии фонетически необосновано.

¹¹ Эта форма встречается и в наших материалах по шорскому диалекту хакасского языка: *хай парчаң* 'ты куда идешь?'

¹² Окончание 2 серии 2Pl *-СІң-ЛAr > -СІң-nAr > -СІңAr > -SAAr > -SAr* - результат аналогического образования с помощью афф. Pl от окончания 2 серии 2.Sg *-СІң*, по аналогии с окончанием 1 серии *-(І)ң-ЛAr > -(І)ң-nAr > -(І)ңAr > -AAr*. Есть еще окончание *силер, сирер*, отмеченное в 2Pl фууйско-киргизский *-Slrlr*, туба *-sler* (= тув., тоф.); это новое отместоименное образование, см. [Дыбо 2017: 136]. У Кастрена [Castrén 1857: 31], примеры на *sêler, sêlar*, которые цитирует как неясные М.И. Боргояков, приведены именно из карагасского (тофаларского), а не из койбальского (хакасского) языка, т.е. это именно постпозитивные местоимения.

¹³ Шорские формы на *-ЧА-м*, *-ЧА-ң* могут быть такого же происхождения из-за первой серии окончаний (**чат-а* эдим, эдиң с гаплогией?), ср. [Дыренкова 1940: 195]: Кондома, верховья Томи *чадым, чабың/чазың*, но 2pl только *чазар*.

финитных форм с первой и второй сериями окончаний в тюркских диалектах пока не проведена последовательно. Отметим, что в АТНГ этому вопросу посвящена одна карта (№ 98), на которой отмечаются недифференцированно формы Pres на *-A(i)* и Fut на *-Ap*; в [ДАБЯ, 2005] информация по этим окончаниям вообще отсутствует. Между тем, как мы видим из приведенного выше материала, при сборе диалектного материала следует выяснять окончания разных лиц и чисел при формах разных времен, обращая внимание на наличие/отсутствие синтетического отрицания и синтетического вопросительного показателя. Последовательное отмечание использования первой и второй серий окончаний в разных синтетических формах может выявить более определенные диалектные ареалы.

4. Окончание, похожее на показатель 2 л. ед. ч. второй серии, иногда встречается в формах императива:

(27) *Разведкадагы чуртазыңны чоохтазың.*

‘Про жизнь на [геологической] разведке рассказывай.’ (ВР 64, Карагай)

(28) *Давлениемны синебіссен.*

‘Давление (мое) померь.’ (МВ, Карагай)

(29) *Параң, одырзың Кыргорийдің хызы.*

‘Поехали, садись, дочь Григория.’ (ЗГ 91, Чыланы)

Ср. отражение этой особенности бельтырского диалекта в [Чебодаева, 2011]:

(30) *Төрөөн минің чиріңеєм, полыс пирзің чоңыңа.*

‘Родимая моя земля, помоги же народу (своему).’ (рассказ «Плач бабушки Уклинчи»)

Ср. в [Катанов, 2017 (1882), 83]: *Ползаң и ползына* ‘будь же!’ В [Боргояков, 1973] эти формы приводятся, но не комментируются.

В материале аскизского говора сагайского диалекта в [Добрушина, 2002] также зафиксирован подобный пример:

(31) *adaj-dYazYrE-zE-N*

собакакормить-COND-2SG

‘Покорми собаку.’

Н.Р. Добрушина интерпретирует этот случай как употребление в независимой предикации условного наклонения со значением побуждения. Ср. подобные шорские формы (но в сложной предикации) в [Дыренкова, 1941, 178]: «Условная форма имеет иногда оттенок приказания и имеет значение повелительного глагола (2 л.)»:

(32) *Тегри төзин көрзаар, кайдиг кара пулаттар.*

көр-заар

смотреть-2pl

‘Посмотрите на горизонт, какие черные тучи!’

В [СИГТЯ, 1988, 340-341] также отмечена возможность такой формы 2 лица повелительного наклонения, восходящего к форме условного наклонения, в том числе для хакасского, шорского и чулымского. Однако, если для шорского и чулымского соответствующие формы с фонетической точки зрения могут быть проинтерпретированы только таким образом, то для «сэкающих» диалектов хакасского имеется возможность еще одной интерпретации: как безафиксный императив с побудительной частицей **ɕI* (СИГТЯ, 1988, 340) > *СЫ*, получающей личное окончание. Случаи получения личного окончания частицей в бельтырском материале имеются:

(33) *Частыг нѣзем най ле, улуг же.*

‘В возрасте **ведь я** сильно, пожилая же. (МВ, Карагай)

Вопрос, несомненно, нуждается в дополнительном изучении.

Заключение

Отмеченные явления, будучи характерными для бельтырского материала, практически не встречались нам в материалах по аскизскому говору сагайского диалекта, качинскому диалекту и различным говорам шорского диалекта. Судя по всему, это существенные параметры межидиомного варьирования не только для хакасских диалектов, но и для тюркских языков и диалектов в целом. Представляется важным проследить ареал распространения каждого из них, для чего вставить соответствующие пункты в диалектологические опросники.

Литература

АТНГ — Атлас татарских народных говоров. <http://newipi.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=98>, 2011—2012.

Боргояков М. И. Бельтырский говор сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка. С. 80-104.

Боргояков М. И. Развитие форм спряжения в хакасском языке. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Серия 3 (филологическая). Вып. XX. Абакан, 1975. С. 161—181.

Баскаков Н. А. (ред.) Грамматика хакасского языка. Москва, 1975. 420 с.

Хисамитдинова Ф.Г. (ред.) Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа, 2005. 234 с.

Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. Москва, 1940. 206 с.

Добрушина Н. Р. Хэндаут доклада «Косвенные наклонения» на экспедиционном семинаре в с. Казановка (Хакасия), 2002. 3 с.

Дыбо А. В. Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования, №3 (26) 2017. С. 127-150.

Патачакова Н. Ф. (ред.) Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973. 160 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. Москва–Ленинград, 1941. 306 с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Москва, 1961. 473 с.

Катанов Н. Ф. Татарский (хакасский) язык. (Сагайское наречие (диалект)). Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). Абакан, 2017. 130 с. (издание рукописи 1882 г.).

КХЯ — Электронный корпус хакасского языка, <http://khakas.altai.ru/>

Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Алма-Ата, 1975. 516 с.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. Москва, 1978. 288 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. Москва, 1988. 549 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. Москва, 2002. 768 с.

Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. Москва, 1976. 575 с.

Тенишев Э. Р. Строй сарыг-югурского языка. Москва, 1976. 307 с.

Чебодаева Л. И. По дорогам предков (рассказы). Ч. 2. Абакан, 2011. 55 с.

Чертыкова М. Д. Аффиксы сказуемости в говоре населения улуса Верх-Киндирла // Ажиганова О. П. и др. (ред.) Хакасская диалектология. Абакан, 1992. С. 65—71.

Castrén M. A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857, 210 p.

Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 575 p.

Göksel A., Kerslake C. Turkish: a Comprehensive Grammar. L-NY, 2005. 510 p.

¹A. V. Dybo, ²V. S. Mal'ceva, ³E. V. Sultrekova, ⁴A. V. Shejmovich

*The Institute of Linguistics, RAS, 1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane,
Moscow, 125009, Russian Federation*

E-mail: ¹adybo@iling-ran.ru, ²malt.wh@gmail.com, ³el_kyr@mail.ru, ⁴asheimovich@yandex.ru,

Some peculiarities of the use of personal markers in the Belytyr dialect of the Khakas language on the common Turkic background

The article deals with some facts of the behavior of verbal personal markers in one of Khakas dialects. These phenomena that have parallels in other Turkic languages and dialects demonstrate the effect of two different trends. First, we see the "paradigmatization" of personal conjugation, i.e. the analogous development of the word forms. It is caused by paradigmatic unification, which violates old distribution of personal markers associated with the analytism / synthetism of primarily nominal / finite verb forms. Second, we see the genesis of new analytism based on converting of personal pronouns and particles into clitics under the conditions of the colloquial syntax.

Keywords: dialects, Khakas language, morphology, personal markers, verb.

References

Atlas tatarskih narodnyh govorov [Atlas of Tatar folk idioms]. <http://newipi.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=98>

Borgoyakov M. I. Bel'tirskij govor sagajskogo dialekta [Belytyr variant of the Saghai dialect]. In: *Dialekty hakasskogo yazyka* [The dialects of Khakas]. P. 80—104.

Borgoyakov M. I. Razvitie form spryazheniya v hakasskom yazyke [The development of conjugation forms in Khakas] In: *Uchenye zapiski HakNIJALI. Seriya 3 (filologicheskaya). Vyp. XX*. [Transactions of KhakNIJALI. Series 3 (philological). Vol. XX]. Abakan, 1975. P. 161—181

Baskakov N. A. (ed.) *Grammatika hakasskogo yazyka* [The grammar of Khakas]. Moscow, 1975. 420 pp.

Khisametdinova, F.G. (ed.) *Dialektologicheskij atlas bashkirskogo yazyka* [The dialect atlas of Bashkir]. Ufa, 2005. 234 pp.

Dmitriev N. K. *Grammatika kumyyskogo yazyka* [The grammar of Kumyk]. Moscow, 1940. 206 pp.

Dobrushina N. R. *Hehndaut doklada Kosvennye nakloneniya"na ehkspedicionnom seminare v s. Kazanovka (Hakasiya)* [The handout 'Non-indicative moods' at the expeditional seminar in v. Kazanovka (Khakasia)]. 2002. 3 pp.

Dybo A. V. Eshche raz ob istorii pokazatelej lichno-chislovogo spryazheniya v tyurkskih yazykah [Again on the subject of the history of personal-numeral conjugation in Turkic languages] In: *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altaic studies]. No. 3 (26), 2017. P. 127—150.

Patachakova N. F. (ed.) *Dialekty hakasskogo yazyka* [The dialects of Khakas]. Abakan, 1973. 160 pp.

Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [The grammar of Shor]. Moscow, 1941. 306 pp.

Ishakov F. G., Palmbach A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka* [The grammar of Tuva]. Moscow, 1961. 473 pp.

Katanov N. F. *Tatarskij (hakasskij) yazyk. (Sagajskoe narechie (dialekt)). CHast' I. Grammatika (EHtimologiya i sintaksis)* [The Tatar (Khakas) language. (Saghai dialect). Part I. Grammar (Etymology and syntax)]. Abakan, 2017. 130 pp.

EHlektronnyj korpus hakasskogo yazyka [Electronic corpus of Khakas language].
<http://khakas.altai.ru/>

Najip E. N. *Tyurkoyazychnyj pamyatnik XIV veka «Gulistan» Seifa Sarai i ego yazyk* [The Turkic monument of XIV century «Gulistan» by Seif Sarai and its language. Alma-Ata, 1975. 516 p.

Rassadin V. I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [The morphology of Tofalar in comparative perspective]. Moscow, 1978. 288 pp.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov: Morfologiya [Comparative grammar of Turkic languages: Morphology]. Moscow, 1988.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov: Regional'nye rekonstrukcii [Comparative grammar of Turkic languages: Region reconstructions]. Moscow, 2002. 768 p.

Tenishev E. R. *Stroj salarskogo yazyka* [The structure of Salar]. Moscow, 1976. 575 p.

Tenishev E. R. *Stroj saryg-yugurskogo yazyka* [The structure of Saryg-Jugur]. Moscow, 1976. 307 p.

Chebodaeva L. I. *Po dorogam predkov (rasskazy)* [By the roads of ancestors. P. 2. Abakan, 2011.] 55 p.

Chertykova M. D. *Affiksy skazuemosti v govore naseleniya ulusa Verh-Kindirla* [The affixes of predicativity in the idiom of Ust-Kindirla] In: *Hakasskaya dialektologiya*. [Khakas dialectology]. Abakan, 1992. P. 65—71.

Castrén M. A. *Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre*. SPb., 1857. 210 p.

Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill, 2004. 575 p.

Göksel A., Kerslake C. *Turkish: a Comprehensive Grammar*. L-NY, 2005. 510 p.